

Каразин Николай Николаевич

**У костра. Очерки и
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич К.**
У костра. Очерки и рассказы / Каразин Николай Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 276 с.

ISBN 978-5-519-88202-6

ISBN 978-5-519-88202-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КАТАСТРОФА НА КАСТЕКСКОМЪ ПЕРЕВАЛѢ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

Въ половинѣ декабря 1867 года мнѣ и многимъ товарищамъ по экскурсіи пришлось перебраться съ южныхъ склоновъ Александровскаго хребта на сѣверные..

Въ Токмакѣ мы оставили свои экипажи, обыкновенные казанскіе тарантасы, чуть-ли не единственный родъ экипажей, укатывающихъ наши безконечные азіатскіе тракты. Дорога предстояла горная, съ страшными косогористыми подъемами и еще болѣе опасными спусками. Надо было подняться на высоту почти девяти тысячъ футовъ и оттуда спускаться въ тѣснины Кастекскаго ущелья. Тогда еще только начата была разработка этой дороги, единственной соединяющей двѣ области: Семирѣчинскую и Сыръ-Дарьинскую; разработка эта была самая поверхностная: кое-гдѣ взорваны порохомъ загораживающія путь глыбы гранита и чернаго аспидника... Еще конный могъ пробраться кое-какъ по этой исковерканной дорогѣ; съ трудомъ проходили выючныя лошади; верблюжьи караваны не рѣшались итти здѣсь и огибали на Боамское ущелье... Только чудомъ и затратою самыхъ невѣроятныхъ усилій, съ помощью десятковъ верховыхъ,—почти на рукахъ и веревкахъ могъ быть перетащенъ колесный экипажъ и, понятно, что всякій предпочиталъ бро-

силь свой тарангасъ при началѣ подъема, чѣмъ рисковать и экипажемъ, и багажемъ, а подѣ часъ даже и жизнью.

— Повозочки ваши, будьте благонадежны, сохранимъ въ полнѣйшей неприкосновенности!

— Пожалуйста!.. вы видите — экипажъ совершенно новый, — кожи, ремешки, сундуки, все это такъ легко можетъ затеряться!..

— Помилуйте! у насъ много уже ихъ стоитъ на комендантскомъ дворѣ. Извольте посмотрѣть!...

— Что касается до вознагражденія, то будьте увѣрены; на возвратномъ пути...

— Покорнѣйше благодаримъ... сочтемся!

Такъ я переговаривался за себя и товарищей съ смстрителемъ токмакской почтовой станціи, сибирскимъ казакомъ, урядникомъ Мохнаткинымъ, явившимся къ намъ спросить: много-ли намъ понадобится верховыхъ лошадей и для себя, и для нашихъ व्यюковъ.

Мы сидѣли въ небольшой комнаткѣ станціоннаго дома довольно темной, потому что сѣренькій свѣтъ декабрьскаго дня едва проникалъ сквозь бумагу, замѣняющую стекла въ окнахъ. Передъ нами, на концѣ кривоногаго стола, стояли дорожныя фляги и разныя закуски, разложенныя на листахъ сипей сахарной бумаги. Татаринъ слуга возился надъ самоваромъ въ углу, у желѣзной печки, и уже успѣлъ папустить дыму на всю комнату. По стѣнамъ, едва побѣленнымъ известью, чернѣлись казачьи винтовки, сбруя, хомуты, сѣдла и пучки аркановъ; а въ одномъ изъ угловъ навалена была перемятая солома съ навозомъ, и тамъ копошилось какое-то живое существо—маленькій, только что появившійся на свѣтъ жеребенокъ, какъ оказалось впослѣдствіи, котораго татаринъ внесъ въ комнату, боясь, что тотъ не выдержитъ на первыхъ порахъ декабрьскаго

мороза, въ открытыхъ загонахъ, гдѣ помѣщались почтовые лошади.

— Не прикажете-ли?!—пододвинулъ я уряднику флягу съ полынною водкою, замѣтивъ умильный взглядъ казака, вскользь брошенный на оплетенную посудину.

— Не употребляемъ... а впрочемъ...

И Мохнаткинъ началъ наливать изъ фляги въ чайную чашку, выбравъ предварительно ту, которая побольше.

— Такъ вы полагаете, что иначе какъ верхомъ...

— Никакой нѣтъ возможности—еще лѣтомъ-бы ничего, а теперь ни Боже мой, склизко—особливо на козьемъ косогорѣ...

— Придется ѣхать верхомъ...

— Придется-съ...

— А у васъ хороши лошади?

— Обыкновенно, привычные кони,—вчера только кованы. Вѣрите-ли, по этой самой гололедкѣ въ мѣсяцъ разъ восемь ковать приходится...

— Чай пить будете?

— Очень прекрасно...

Урядникъ Мохнаткинъ, гремя своею аммуниціею, усѣлся на опрокинутомъ боченкѣ изъ подъ спирта и, уже не дожидаясь приглашенія, налилъ себѣ еще чашку полынной.

— Да вамъ что,—началъ онъ, помолчавъ,—вамъ полъ-горя... Люди молодые, къ сѣдлу привычные—что вамъ? Сѣли себѣ, перевалили; на третьи сутки въ Вѣрномъ. А вотъ купецъ одинъ съ семействомъ—жена, двое маленькихъ, нянька... Этихъ на сѣдла не посадишь... Вотъ тутъ и вой волкомъ...

— Какой это купецъ?

— А изъ Вѣрнаго, забылъ фамилію, какъ-то не по-нашему... Онъ теперь у магазиннаго смотрителя со всею семьею сидитъ... Холодно здѣсь и душно,

а жена у него хвораѣ, да ребенокъ одинъ питить что-то...

— Что-же онъ?

— Хлопочетъ все, чтобы его безпремѣнно въ тарантасъ перевезли; а какъ тутъ его перевезешь?!

— Опасно?

— Смерть—одно слово...

— Что-же это онъ задумалъ, что на такую опасность лѣзетъ?

— Стало-быть, спѣшно. Да его больше подмываетъ, что вчера полковника изъ Аулы-та переправили въ тарантасъ — «ну, говоритъ, значить, можно—вези и меня—а я никакихъ денегъ не пожалѣю».

— А вы не беретесь?

— Да намъ что? Казаки, пожалуй, возьмутся, коли комендантъ позволить. Народу много надо будетъ, человекъ пятнадцать. Да вонъ онъ самый: на дворѣ съ ребятами разговариваетъ, должно, отъ коменданта вернулся...

— Кто?

— Купецъ этотъ. Ну, что, ваше степенство, какъ дѣла?— поднялся урядникъ съ боченка...

Въ дверяхъ показался человекъ лѣтъ тридцати, высокій, плотный, съ густою черною бородою, подстриженною по американски. Онъ былъ въ бараньемъ кафтанѣ, перетянутомъ ремнемъ, въ дорогой бобровой шапкѣ и въ высокихъ сапогахъ, отороченныхъ какимъ-то мѣхомъ.

Вошедшій окинулъ глазами комнату и, замѣтивъ наше общество, подошелъ къ столу.

— Павелъ Ниссенъ, сибирскій купецъ; позвольте представиться! — произнесъ онъ симпатичнымъ густымъ голосомъ.

Мы назвали ему свои фамилии и предложили мѣсто за столомъ.

— Я їду въ Вѣрный и пока въ настоящую минуту нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи... Дорога, говорятъ, такъ опасна...

— Очень даже!—замѣтилъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Я знаю, я это хорошо знаю, я не первый разъ здѣсь їзжу; вотъ только семейство мое въ первый разъ испытываетъ это удовольствіе!

Въ голосѣ Ниссѣна слышалось раздраженіе, которое онъ никакъ не могъ скрыть, какъ ни старался объ этомъ.

— Развѣ нельзя какъ-нибудь верхомъ устроить нашу поїздку?..—сказалъ я.—Я говорю нашу, потому что, вѣроятно, мы завтра отправимся всѣ вмѣстѣ!

— Это было-бы очень хорошо!..—обрадовался сибирскій купецъ.—Но верхомъ... моя жена... дѣти...

— Мы разберемъ вашихъ малютокъ себѣ на сѣдла, закутаемъ ихъ,—ваша супруга...

— Нѣтъ, это невозможно; она совсѣмъ больна, да она и не отдастъ дѣтей; она никому ихъ даже на минуту не повѣритъ. Да, наконецъ, вздоръ! Можно и въ экипажѣ. Трудно, очень трудно, но не «невозможно». Я не понимаю этого слова «невозможно», что такое, въ самомъ дѣлѣ, «невозможно?»—Вздоръ!

— Вы немножко взволнованы, кажется?

— Еще-бы: я здѣсь сижу вторые сутки: мои дѣла требуютъ непремѣнно моего присутствія въ Вѣрномъ, и жена заболѣла...

— Попытаться можно,—вмѣшался урядникъ,—только если ребята согласятся. Они давеча сказывали: «пусть дасть по пяти рублей на брата; выйдетъ десять человѣкъ; можетъ, какъ-нибудь на арканахъ и можно проѣхать!

— Давно-ли проѣхалъ одинъ... стало-быть, можно-же...

— Можно, конечно, но только трудно... Опять-же то полковникъ, по казенному дѣлу...

— А я дамъ вашимъ казакамъ не только по пяти,—по десяти на брата, и это будетъ гораздо дѣйствительнѣе... чѣмъ...

— Коли комендантъ позволить, то отчего-же...

— Комендантъ позволить, сегодня-же...

Ниссенъ всталъ и направился къ дверямъ.

— Куда-же вы?

— Къ коменданту. А вы пока...

— Да помилуйте, за нами дѣло не станетъ!

— Пожалуйста. До свиданія!

— Горячая голова!—замѣтилъ мой товарищъ по уходѣ сибирскаго купца.

— Десять на брата — шутка-ли! — соображалъ урядникъ.—А какъ съ кручи, да внизъ головой!.. Вѣдь безъ мала три версты внизъ летѣтъ—страсть!..

— Ничего, Богъ милостивъ!

— Да уже только на него одного и надежда!

Къ вечеру мы узнали, что Ниссенъ добился отъ коменданта разрѣшенія нанять казаковъ изъ мѣстнаго гарнизона для переѣзда черезъ Кастекскій перевалъ въ экипажѣ.

Онъ сіялъ. Онъ самъ лично договорился съ казаками, далъ имъ задатокъ и, торжествующій, ушелъ къ «магазинному смотрителю» ночевать, гдѣ его ожидало семейство.

Отъѣздъ былъ назначенъ на другой день рано утромъ, и мы уговорились ѣхать непременно вмѣстѣ—общею кавалькадою.

День былъ пасмурный. Горы заволокло сизыми густыми облаками, пошелъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ.

— Коли и завтра такъ-же, такъ еще ничего, а естъ коли подморозить, такъ это будетъ просто

бѣда!—сообщилъ одинъ изъ казаковъ, искоса поглядывая на довольно объемистый тарантасъ Ниссена, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей и совершенно готовый къ отъѣзду.

— Ну, не каркай!—замѣтилъ ему урядникъ.— Ворона!

— Чего «не каркай»? Я такъ, къ слову!

— Ладно—не въ добрый часъ скажешь слово... оно...

Урядникъ замолчалъ и, снявъ свою папаху, набожно перекрестился.

Мы тронулись.

Впереди ѣхало наше общество, къ которому пристроился и Ниссенъ, верхомъ на казачьей лошади; за нами вели вьючныхъ лошадей, дробно перебирающихъ своими мохнатыми ногами подъ тяжестью нашихъ чемодановъ и узловъ, затѣмъ нашъ тарантасъ, а сзади всѣхъ, растянувшись чуть не на полверсты, шли сибирскіе казаки и человѣка два вооруженныхъ мѣстныхъ киргизовъ.

Мы ѣхали не торопясь и только къ сумеркамъ добрались до первой станціи въ семи верстахъ отъ Кастекскаго перевала, или правильнѣе сказать, начала подъема. Здѣсь, на Кара-булакѣ (названіе станціи), мы остановились на ночлегъ, что хотя и довольно рановато было, но принимая во вниманіе, что намъ пришлось-бы въ потемкахъ подниматься на горы, иначе поступить было-бы довольно рискованно.

Станція состояла изъ двухъ кошемныхъ кибитокъ: одной по-больше, доставшейся намъ, путешественникамъ, другой—крохотной желомейки, занятой нашими казаками.

Госпожа Ниссенъ, довольно красивая, молодая, но сильно болѣзненная и нервная женщина,—угостила насъ превосходнымъ чаемъ съ ромомъ. Мужъ былъ необыкновенно веселъ, разговорчивъ, болталъ

за десятерыхъ, острилъ, рассказывалъ анекдотъ за анекдотомъ; въ немъ не замѣтно было и тѣни вчерашней раздражительности. Онъ поставилъ на своемъ, а это для подобныхъ натуръ самое главное.

Мы не знали, насколько храбро смотрѣла его жена на это путешествіе, но, зная, что это уже неизбежно, мы скрывали настоящіе размѣры опасности и на ея разспросы отвѣчали нѣсколько уклончиво, впрочемъ, въ успокоительномъ тонѣ.

Нигдѣ знакомства не сводятся такъ скоро, какъ вообще въ дорогѣ; здѣсь-же, на полудикихъ путяхъ нашихъ окраинъ, это правило достигаетъ самыхъ крайнихъ размѣровъ. Къ вечеру мы были уже совершенно знакомы со всею семьей, нянчили и ласкали двухъ прелестныхъ малютокъ Ниссена, пѣли хоромъ и по одиночкѣ, а я, вырвавъ листки изъ своего походнаго альбома, рисовалъ дѣтямъ разныхъ звѣрковъ, преимущественно лошадокъ, и привелъ этихъ крохотныхъ цѣнителей искусства въ полнѣйшее восхищеніе своими работами.

Веселые и довольные, легли мы спать, завернувшись въ свои шубы и только съ восходомъ солнца поднялись на ноги и стали готовиться къ перевалу.

Сегодняшній день былъ полною противоположностью вчерашнему. Солнце такъ и сверкало на ясно-голубомъ морозномъ небѣ; вершины горнаго хребта бѣлѣли чудною зубчатою линіею; правѣ тянулась безконечная равнина рѣки «Чу», голубоватой извилиной пересѣкающей скалистую пустыню. Не болѣе какъ черезъ полчаса мы достигли подошвы горъ и начали подниматься. Впрочемъ, мы не замѣтили самого начала подъема; онъ начинается такъ отлого, что намъ казалось, будто гора еще далеко впереди, и мы все еще ѣдемъ по ровной дорогѣ. Только обернувшись назадъ, мы увидали равнину внизу, какъ-

бы съ птичьяго полета, и какъ красива показалась намъ эта снѣжная степь, испещренная кое-гдѣ пространствами, заросшими желтымъ, высохшимъ камышемъ и изрѣдка разбросанными дымящимися кочевками кара-киргизовъ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо! — поминутно восклицала madame Ниссенъ, высовываясь изъ экипажа.

— Страсти какія — ничего нѣтъ хорошаго! — ворчала старушка-няня...

— Слизко, чертъ-те дери! — шепталъ какъ-бы про себя старый казакъ и, обратясь къ подобравшемуся конвою, добавилъ: — осмотри арканы, скоро путать будемъ!

Упряжная тройка, вся въ мылѣ, дружно натягивала постромки и ходко взбиралась все выше, останавливаясь на минуту, гдѣ было удобнѣй, и переводя духъ.

— Къ верху-то ничего, самая страсть какъ внизъ спускаться станешь!

Человѣкъ пять казаковъ подхватили уже веревками за задокъ тарантаса и помогали упряжнымъ лошадямъ.

— Пустяки! отлично перевалимъ!... — говорилъ Ниссенъ, гарцуя вокругъ экипажа. — Ну, вотъ говорили «невозможно»! — а дѣло все въ томъ, что рѣшительности не хватаетъ!

Часу къ двѣнадцатому мы взобрались на самую высокую точку перевала и остановились.

— Съ подъемомъ имѣю честь поздравить! — провозгласилъ Ниссенъ, поднимая оловянный стаканчикъ съ виномъ.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ я, — но еще будетъ пріятнѣе поздравить васъ съ благополучнымъ спускомъ!

Казакамъ тоже дали по стаканчику водки; вы-

пили даже и киргизы, которые хотя сначала и отпѣкивались, ссылаясь на указанія корана, но потомъ соблазнились, глядя на казаковъ, и выпили, — да выпили такъ, что сразу дали замѣтить, что это далеко не первый шагъ къ нарушенію корана.

— Ну, помоги Господи, пошли Владычица Небесная! — крестились и причитывали сибирцы, когда поѣздъ тронулся.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, передъ нашими глазами начали развѣтываться самыя грандіозныя картины. Самыми непредвидѣнными зигзагами изгибалась опасная дорога — пропасти безъ дна, затянутыя голубоватою дымкою тумана, зіяли то съ правой, то съ лѣвой стороны... Притупились острые шипы подковъ по этимъ камнямъ, покрытымъ мѣстами корою льда... Иногда путь шелъ карнизомъ, лѣпясь къ почти отвѣсной скалѣ. Эти мѣста особенно были страшны на заворотахъ: косогоромъ сползала дорога, и горе тому, кто-бы поскользнулся на этомъ страшномъ косогорѣ... Груды камней, положенныя мѣстами, какъ барьеры, на окраинѣ обвала, могли-бы еще удержатъ отдѣльнаго всадника... но...

— Осторожнѣй, братцы! крѣпче сдерживай! береги! — покрикивалъ урядникъ.

— Царица небесная, не выдай! — шептали казаки, натягивая веревки отъ экипажа.

Упряжная тройка теперь играла самую незначительную роль. Коренникъ, сильно упираясь и почти сползая назадъ, только направлялъ ходъ экипажа — оба тормазы глухо шуршали и пронзительно взвизгивали, когда колесо надвигалось на гладкую поверхность камня. Какъ туго натянутая струна, протягивались веревки отъ задка экипажа къ сѣдламъ верховыхъ, осторожно спускающихся за тарантасомъ. Дорога не позволяла ѣхать рядомъ съ экипажемъ, и потому наше общество ѣхало впереди, по-